

О твердости духа

Недавно я получил письмо из Харькова. Моя корреспондентка написала: «Особо выделила для себя такую фразу Зинаиды Александровны: «Чем больше зла перед нами, тем больше тишины и света должно быть в нас». Мысль замечательная. Я бы добавила: тем больше твердости духа, чтобы остановить зло».

Это добавление глубоко меня взволновало.

Григорий Соломонович был человеком, безусловно, твердого духа, но твердость эта была основана на удивительной открытости сердца, на незащищенности сердца. Вот она загадка из загадок. Пройти всю войну и не ожесточиться. Узнать страдание и стать мягким с другими. Размягчить все твердое в себе и стать сильнее.

Нет силы духа без чувства иконной красоты. Нет силы духа без полного затихания ума. Нет силы духа без стремления к прозрачности. Твердый, но непрозрачный дух умножает силы зла.

Иногда борьба необходима. Померанц боролся с фашизмом, боролся со сталинским наследием, но и в борьбе ум должен оставаться тихим. Иначе ум всегда будет шуметь, даже когда открытое противостояние закончится. И ум будет жаждать новой борьбы, потому что сроднился с борьбой, с травмированной психикой, а не с красотой и тишиной. Такой ум всегда будет искать виноватых, и на уровне уничтожительных оценок расправляться с ними. Вот чего никогда не делал Померанц.

Григорий Соломонович не борец со сталинизмом, а певец жизни. Если дух крылат, то он и тверд. Но если ты никогда не любил всем сердцем, если ты прямо сейчас не любишь всем сердцем до самого Бога, то грош цена твердости твоего духа. Ты просто будешь сводить счета, бесконечные счета.

Это очень тонкая грань. Перейти ее легко. Ты думаешь, что творишь Божью волю, а уже давно вершишь человеческие дела. И вот здесь приходит на помощь Померанц. Его судьба, его книги как стрелка житейского барометра. Стрелка не кричит, никуда не зовет, но если ты внимателен, ты обратишь внимание на нее, как ты обращаешь внимание на кружащийся осенний лист. И один лист в его непостижимом движении может остановить мысль, может остановить войну в тебе. Слова эти кажутся абсурдом, но в них абсурда не больше, чем в ненависти, чем в яростной борьбе за правое дело, которая развязывает руки дьяволу.

Нам всегда будет нужна скромная фигура мудреца, как точка отсчета тишины, света, красоты, как точка отсчета нас самих. И такой мудрец у нас есть. И он будет с нами до тех пор, пока мы будем с ним.